

Елена Мартова,
Максим Белоглазов

МОЯ БАБУШКА ЛЮБИТ ДЖАЗ
Одноактная пьеса

Действующие лица:

БабУля – 70 лет

Внук Даня - 17 лет

На сцене по обе ее стороны две комнаты. Одна, совмещенная спальня с кабинетом. Кровать, рядом рабочий стол с компьютером. На стенах картины. фотографии. Много цветов. В углу на маленьком круглом столике стоит старинная печатная машинка, рядом с которой фотография старого человека с черной траурной лентой. Над ними портрет молодого, накаченного мужчины, похожего на старика.

Вторая, сплошь заставленная книжными шкафами. Кушетка посередине. Позже, ставшая жилищем внука, превратившись в некую площадку для репетиций. В центре - барабан, рядом две гитары и колонки. Кругом все опутано проводами. На стенах афиши новомодных групп.

В центре – уютная гостиная, совмещенная с кухней. Круглый стол, застеленный яркой с подсолнухами скатертью. На окнах занавески из той же ткани. Цветы на подоконнике. На стенах в рамках под стеклом – вышивки.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

За столом перед компьютером сидит Уля, что-то пишет. Рядом в пепельнице дымится сигарета, которую она время от времени с наслаждением покуривает. Звонит телефон. Уля берет трубку:

УЛЯ. Да, слушаю вас. Ой, Танек, приветик. Да вот, заработалась совсем. Ну, пока пишется, так и отвлекаться не хочется. Нет, нет. Ты вовремя. Я как раз поставила точку и сейчас пойду сварю себе кофейку. Заодно и поговорим. (Идет с трубкой в кухню. Там начинает готовить кофе) . Ну как там у вас в театре? С приходом Великого, величественнее стало? Как уходишь? Почему? Тань, да какая ты старуха? В зеркало-то на себя посмотри? Вот сейчас и посмотри. Что там видишь? Красивую, голубоглазую блондинку. Стройную, моложавую. Мы же с тобой маленькие собачки, значит, до

старости щенками выгядим Что, разве не так? И что, что годы берут свое. Ты же не девочек играешь. Нет, Тань, я тебя такую не принимаю. Надо бы встретиться и все обсудить. А пока не горячись.

В прихожей раздается звонок

Ой, Тань, кто-то звонит. Ладно, ладно. Еще поговорим. Пойду, посмотрю кто там. Вроде никого не жду. (Выключает телефон. Идет к дверям).

УЛЯ. Кто пожаловал?

ДАНЯ. Эт я, Дан.

УЛЯ. Какой Дан?

ДАНЯ. Буль, че не узнаешь внука родного?

УЛЯ. Ой, Данечка, это ты? (Спешно открывает дверь. На пороге возникает подросток, высокий, худощавый, с серьгой в ухе. Тату на руках. Челка длинная набок. Второй бок коротко стриженный. На нем узкие джинсы, футболка с надписью: «неботошнит». За плечами что-то в виде рюкзака, в руках небольшая сумка. Все это видит Ульяна, в полном недоумении).

УЛЯ. Батюшки, какой красавЕц. Давай, ставь сюда сумку, снимай рюкзак.

ДАНЯ. Это не рюкзак, бабУль, а гитара.

УЛЯ. Хорошо. Гитара, так гитара. Дань, проходи. Как давно я тебя не видела. (Обнимает его за талию) А вымахал-то как. Когда-то ты мне до пупа был. А теперь я тебе чуть выше его.

ДАНЯ. Да ладно. Я еще расту и ты, там где-то в ногах окажешься.

УЛЯ. Ну и шутки у тебя, внучек. Никогда и ни у кого под ногами не болталась. Не пристало мне кланяться.

ДАНЯ. Буля, ты че, обиделась? Я правда пошутил. Ну, ладно, неудачно.

УЛЯ. Все, проехали. Я так рада, что ты приехал. А обижаться есть на что. Ты же меня совсем забыл. Я ничего о тебе не знаю.

ДАНЯ. Вот и познакомимся заново. (Поднимает ладонь для приветствия.)

УЛЯ. Это точно. (Не растерявшись, хлопает по ней) Ну, здравствуй племя молодое, незнакомое. (Проходят на кухню) Вовремя пришел. Я только что кофейку сварила. (Накрывает на стол)

ДАНЯ. Сама что ли?

УЛЯ. Да нет, домработницу нанимала.

ДАНЯ. А что кофеварку не купить?

УЛЯ. Не купить. У меня пенсия с гулькин нос. Да и не люблю я всю эту навороченную технику. Ни к чему она. (Расстилает на столе салфетки, разливает по маленьким чашкам кофе)

ДАНЯ. Не скажи. Удобно. Время сберегает.

УЛЯ. Зато деньги выуживает.

ДАНЯ. А время, бабуля, это деньги.

УЛЯ. Да уж. Вы теперь такие быстрые. Все спешите куда-то. Проноситесь мимо всего, что на пути попадается. Не глядя, без внимания, без интереса.

ДАНЯ. Ну ты как всегда в своем амплуа. У тебя бокал есть?

УЛЯ. А как же. Тебе зачем?

ДАНЯ. А че я из этого наперстка пить буду? Мне сразу побольше.

УЛЯ. Тогда, поди, бадейка подойдет.

ДАНЯ. Это что ж такое?

УЛЯ. Не знаешь, что такое бадья?

ДАНЯ. Ну и говорок у тебя. А вроде как писательница.

УЛЯ. Так потому и пишу, что много чего знаю, многое пережила и перечувствовала.

Говорки, наречия всякие необычные собираю. Вот только с вашим нынешним сленгом не знакома. Надеюсь, познакомишь?

ДАНЯ. Че за фигня? Мы нормально разговариваем.

УЛЯ. Фигня, это уже что-то.

ДАНЯ. Да ладно. Фигня она и в Африке фигня.

УЛЯ. В Африке свой язык. Кстати, с него начинались первые африканские блюзы. А уж потом возник джаз. Знаешь, как мы балдели, когда удавалось у кого-то тайком собраться и послушать эту музыку души.

ДАНЯ. Ха, балдели! А почему тайком?

УЛЯ. Лозунг был такой: «Кто слушает джаз, тот - Родину продаст».

ДАНЯ. Ни фигя себе.

УЛЯ. (Торжественно) Советская молодежь не должна была слушать разлагающую музыку наших недругов.

ДАНЯ. А при чем тут музыка и недруги? По-моему, любая музыка сближает, если ее понимаешь.

УЛЯ. И кто тебе нынче близок?

ДАНЯ. Есть несколько классных групп.

УЛЯ. А сам-то что играешь? Вон, с гитарой пришел. Никак меня повеселить.

ДАНЯ. Тебе не понравится.

УЛЯ. Это еще почему?

ДАНЯ. Вкусы у нас разные. Тебе Моцарта, Штрауса подавай. На крайний случай попсу.

УЛЯ. Кстати, было б тебе известно, что рок берет свои истоки из того же негритянского блюза, джаза и... классики.

ДАНЯ. (Насмешливо). Это ж надо. А как с попсой? Кто у тебя нынче в любимчиках? Этот Басков или Пугачева?

УЛЯ. Ну, нет. От них у меня уже давно оскомины на зубах. Я с юности джаз люблю.

Может, слышал (Напевает мелодию Чучи). Нет, давай я тебе лучше пластинку с записью поставлю. Давай, а? (Загоревшись, направляется в свою комнату). Подожди немного, сейчас найду.

ДАНЯ. Да ладно, не суетись.

УЛЯ. (Из своей комнаты). Я быстро. У меня все на полке расставлено. Самое любимое. И проигрыватель на ходу. Люблю пластинки старые слушать. Дань, иди сюда.

ДАНЯ. Ну, ты даешь. Всякий хлам хранить. Сейчас запросто с инета все что угодно скачать можно. Хочешь? Это быстро и удобно. Идти куда не надо.

УЛЯ. Дань, да иди уж. Уже включаю. (Появляется внук. Звучит мелодия «Чаттануга чучи», или композиция из фильма «Серенада солнечной долины» Уля начинает пританцовывать. Приближается к внуку, берет его за руку, крутит. Потом возвращается сама. Мелодия захватывает обоих и они танцуют)

Впервые слышишь? (Внук кивает головой) Жаль. Это классика. Был такой культовый фильм «Серенада солнечной долины», где и звучала эта музыка в исполнении оркестра Гленна Миллера.

ДАНЯ. Ну, ты даешь? Танцевать меня заставила.

УЛЯ. Ничего подобного. Сам запросился. Под эту музыку невозможно стоять. Давай, давай. Кидай меня на колено.

ДАНЯ. Не развалишься?

УЛЯ. Не бойся. Я еще ого-го. Теперь на второе. Молодец!
ДАНЯ. Под нашу тоже тусуются.
УЛЯ. Это где ж? На дискотеках?
ДАНЯ. Я на дискачи не хожу.
УЛЯ. А танцуете где?
ДАНЯ. В клубах, на концертах.
УЛЯ. Ну все, чего-то воздуху не хватает. (Тяжело дышит, но в глазах огоньки)
ДАНЯ. А говорила ого-го.
УЛЯ. Это с непривычки. Давно не танцевала. А вы значит прямо на концертах тусуетесь?
На чьих?
ДАНЯ. Так теперь много новых интересных групп появилось. Вот, например эта - «неботошнит».
УЛЯ. Да уж. Название необычное. Наверное, и музыка такая?
ДАНЯ. Классная музыка. Жаль только, что группы этой уже нет.
УЛЯ. Это почему?
ДАНЯ. Солист погиб. Пьяный лихач сбил насмерть. Вот его нет, а музыка в инете осталась.
УЛЯ. Видишь, как важно что-то самому создать, чтоб потом осталось после тебя.
ДАНЯ. Пытаюсь.
УЛЯ. У тебя своя группа?
ДАНЯ. Громко сказано. Но что-то в этом роде.
УЛЯ. И с кем же?
ДАНЯ. С друзьями, бабуль. Короче. Хватит допросов. Еще поговорим. Ты мне лучше комнату, где я жить буду покажи.
УЛЯ. Как жить? Ты что ли надолго?
ДАНЯ. А ты, против?
УЛЯ. Да ты что. Я рада. Только почему? Случилось что?
ДАНЯ. Да все о,кей. Я от родителей сбежал. Заколебали.
УЛЯ. А, ну тогда все понятно. Идем в твою комнату. Вот, смотри. Годится?
ДАНЯ. Ничего, сойдет. Только малость убрать кое что надо, чтоб попросторнее. Мы тут репетировать будем. Не возражаешь? (Достает гитару из чехла, проводит по струнам, поет):

Эта беспокойная суета довела меня до предела:
Смеясь и кривляясь, испачкала душу, испачкала тело.
Эти голые стены, не глядя, сжирают меня без остатка.
Я забыл свое имя, моя голова в беспорядке.
Мысли переполняют больной мозг и мне порой
Становится жутко.
Может, ты мне подскажешь, когда начинается утро?

Свет гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же декорация. Только в комнате Дани все переставлено. Посредине стоит барабанная установка. Он сидит перед компьютером с гитарой в руках. Уля, за столом на

кухне с телефонной трубкой в руках. Из комнаты внука доносятся громкие звуки электрогитары и его пение.

УЛЯ. Тань, слышишь? Да не телевизор вовсе. Это мой внук репетирует. (Криком) Да, он жить ко мне приехал. Его, видите ли суета довела так, что даже имя свое забыл. Тань, он об этом поет. А вернее кричит. А что школа? Он ездит в нее, правда не каждый день. У него свободное посещение. Сам себе установил. Подожди. Ничего не слышу. (Идет в комнату внука) Дань, можно потише.

ДАНЯ. Нельзя. Ты двери закрой здесь и там вот тебе и потише будет.

УЛЯ. Ну, ты и хам, внучек. Дай с подругой поговорить.

ДАНЯ. Возьми. (Смеется и еще с большей силой давит на струны)

УЛЯ. (Уходит) Вот так. Слыхала? А ты про школу. Нужна она ему. Раньше то его из коттеджного поселка отец возил, а от меня он на метро. Вставать рано не желает. А я его и не бужу. Сама-то ложусь поздно и встаю к обеду. Точно, весь в меня, совенок. Ой, Тань, ничего не знаю. С ним разговаривать одно мученье. Он этого не любит. Посылает меня куда подальше, чтоб не булькала, как он выражается. Да, вот так. И Алинка ничего толком не объясняет. Говорит, что пусть что хочет, то и делает. Достал он их. Наверняка на меня надеется. А я что могу? Я это поколение совсем не понимаю. Чужие они, незнакомые. У них теперь вместо родителей компьютер. Он и учит, и наставляет, и просвещает. Да, Тань и мне их жалко. Ладно, еще поговорим. Надо обед готовить. Я же его кормить должна. А что делать, Тань? Все, пока, пока, целую, милая. Отключает телефон и ставит кастрюлю на плиту. (Кричит)

Дань, суп грибной будешь есть? (В ответ звуки музыки). Дань, слышишь? (Идет к внуку)

Дань, у меня сил нет тебя перекричать. Оторвись на минутку.

ДАНЯ. Буль, ты долго булькать будешь? Не видишь, я репетирую.

УЛЯ. Дань, так нельзя. Ты целый день трындишь. У меня голова болит, и уже нервы не выдерживают.

ДАНЯ. Ну, во-первых, я не трындю, а занимаюсь искусством. Ты же сама меня к этому приучала.

УЛЯ. Дань, ну не к этой же какофонии звуков.

ДАНЯ. Ты ничего не понимаешь. Это – музыка! Одно из ее направлений.

УЛЯ. И что же это за направление такое?

ДАНЯ. Ну, допустим «скримо» называется. Ты все равно не поймешь.

УЛЯ. А, вот почему ты орешь. Это же – «крик»?

ДАНЯ. А ты что английский знаешь?

УЛЯ. Подумаешь, невидаль какая? Кто угодно нынче может выучить. Стоит захотеть.

ДАНЯ. Однако, шустра. Только «скримо» тебе точно не понять.

УЛЯ. Ну почему же. Я в своей юности очень джазом увлекалась. Элвис Пресли - кумир. В наше время мы все были без ума от Битлз. Как тут не выучишь английский? Кстати, тебе нравится эта группа?

ДАНЯ. Там был гитарист клевый.

УЛЯ. Джордж Харрисон.

ДАНЯ. Точно. Надо же, до сих пор помнишь. Так вот, он такую педаль придумал, которая расщепляла звук, делала его более тяжелым, крутым.

УЛЯ. И что? Мы на это не обращали внимания. Просто слушали, восхищались, танцевали. Ты же уже понял, как отменно твоя бабуля «стиляла» рок-н-ролл? Меня и через колено вот как ты недавно, кидали и крутили через голову. Легкая была, пластичная. Только юбки разлетались в разные стороны.

ДАНЯ. Не представляю. Ты - и через голову.

УЛЯ. Еще как. Поди, слышал про стилияг? Так вот я из их племени. К нам-то в глубинку все поздно доходило. На западе в шестидесятые уже во всю хипповали. Но мы их недолюбливали.

ДАНЯ. Понятное дело. Вы – это стиль, а они замызганные чуваки.

УЛЯ. Да нет. Все гораздо сложнее. Просто в нашей компашке мы увлекались западной музыкой, танцами и старались выделяться из серой массы.

ДАНЯ. А хиппи?

УЛЯ. Это бунтари. Они пренебрегали материальными ценностями. Выходили на демонстрации, с требованием свободы.

ДАНЯ. Вот и мы хотим все той же сво-бо-ды! А вы нам ее не даете.

УЛЯ. Свободы от чего? От учебы, от познаний. От понимания добра и зла? От обязанностей, которые хочешь, не хочешь должны быть у каждого человека.

ДАНЯ. Вот тут я с тобой совсем не пересекаюсь. Я, запомни: никому и ни чем не обязан.

УЛЯ. Это как же? А «жить в обществе и быть свободным от него..?» Это против всяких человеческих правил.

ДАНЯ. А кто устанавливает эти правила? Разве не сами люди? А они что не могут ошибаться?

УЛЯ. Наверняка эти правила диктуют умные люди. А вот такие, как ты, нигилисты, их отвергают и даже борются против.

ДАНЯ. И правильно делают. Вот поэтому мы, создаем свои коллективы, которые через музыку выражают свой протест.

УЛЯ. Против чего? Все понять не могу.

ДАНЯ. А ты сама против чего восставала?

УЛЯ. Не сравнивай. Тогда время какое было? Все под запретом. Представляешь, даже брюки-дудочки носить было нельзя. Комсомольцы-дружинники ходили вот с такими ножницами и разрезали их на части. А нынче-то вам все разрешено. Хоть нагишом ходи, никто не остановит.

ДАНЯ. При чем тут внешний вид? Нас бесит ваша нынешняя элита, насквозь фальшивая и глупая. Гламурные, продажные девицы, которые считают себя самыми, самыми. Бесят «качки», которые думают, что если сила есть ума не надо. Учителя, которые безразлично долдонят одно и то же и постоянно делают замечания. Родители, которые тоже все учат и учат. А хочется быть открытым миру и выражать только свое «Я».

УЛЯ. Прекрасно! А оно, свое, уже есть у тебя? Может это «Я» надо заработать? Да и кто тебе не дает быть самим собой?

ДАНЯ. Вот все вы. То не то сказал, не так одет. Прическа, наколки. Все не так. Не ту музыку играем. Потому и хочется высказать свой протест, хотя бы посредством музыки. Услышьте вы нас, наконец, а то уже точно даже небо тошнит от всего этого. Хочешь послушать еще одну группу.

УЛЯ. Ее тоже тошнит?

ДАНЯ. Не смейся. Это все серьезно. Ладно, я вот деньжатами разживусь и куплю себе акустическую гитару. Давно о ней мечтаю. Она потише. А пока вот послушай. (Включает планшет. Звучит композиция группы: «Мой сын. Мой дом. Мое дерево»)

Даже если я спасу чью-то жизнь -
На этой земле найдется голос,
Указывающий мне, что я эту жизнь
Спас некорректно.

Люди несут в руках чужие идеи,
Отворачиваясь от идущих
Другой дорогой.
Помни, что мнений,
Словно звезд в ночном небе.
И каждое слово – это точка!

Свет гаснет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Уля и Даня на кухне сидят за столом. Молча обедают. Первым нарушает этикет Даня.

ДАНЯ. Буля!

УЛЯ. Знаешь что, зови меня Улей или бабулей, договорились?

ДАНЯ. Ты чего? Я же с детства так тебя называл?

УЛЯ. Даня, детство прошло безвозвратно. А жаль. Какой ты был маленький послушный. Помнишь, как все лето ты жил со мной и бабой Холей на даче.

ДАНЯ. Ага, бабой Холей. Она-то баба Оля. Но я так тогда ее назвал и прижилось. А ты чего брыкаешься.

УЛЯ. Ой, Даня, как же ты со мной разговариваешь? Это ж надо. Как это из прекрасного, доброго мальчика, с которым мы восхищались грозой. Любовались радугой.

Необыкновенными закатами. Мир познавали, вырос такой вот нахал? Кстати, много читали.

ДАНЯ. Че такого я сказал? И почему вдруг сразу недобрый?

УЛЯ. А где оно твое добро? Ты со всеми споришь, всех обижаешь. Даже умудрился и моей Татьяне нагрубить по телефону.

ДАНЯ. А чего она ко мне с расспросами пристала? Ей-то, какое дело до меня?

УЛЯ. А ты можешь представить, что на земле еще не перевелись неравнодушные люди?

ДАНЯ. И любопытных полно. Так и лезут тебе в душу.

УЛЯ. Чтобы туда залезть ее прежде иметь надобно.

ДАНЯ. Считаешь, что у меня нет души?

УЛЯ. Уж и не знаю. Душа-то она к Богу повернута. Как правило, отзывчива. И кстати, свободна.

ДАНЯ. Ага, а от чего?

УЛЯ. У нее всегда есть право выбора. Господь дает это право самому решать, что для тебя важнее.

ДАНЯ. А как же «наставь меня на истинный путь заповедей твоих...» Не ты ли меня заставляла об этом просить у твоего Бога.

УЛЯ. У всеобщего. А для тебя, значит, нет никаких авторитетов? И Бог тебе уже не судья? А может все-таки хоть иногда стоит прислушаться к мнению взрослых. У них мудрость, опять же «опыт сын ошибок трудных»

ДАНЯ. «И гений парадоксов друг». Знаю, слышал. Только теперь взрослеют раньше. У нас море информации.

УЛЯ. Вот и страшно. Как бы не утонуть. А еще хуже не той нахлебаться.

ДАНЯ. Еще скажи: «всему свое время». А когда оно своим станет? Некогда дожидаться. Надо просто жить! Жить так, как хочется тебе, а не твоим родителям, окружению и тем более, прЕподам.

УЛЯ. Все? Теперь поняла. Ничего не меняется с годами. Ты прав. Каждый должен пройти свой путь и натереть по дороге свои мозоли. Только знай, что мудрый человек, учится на чужих ошибках, умный на своих, а дурак ни на каких. Это тоже кто-то из умных сказал. (Собирает со стола посуду) Чай будешь? Или это не твой напиток?

ДАНЯ. Точно не мой. Я лучше водички попью и пойду репетировать. Скоро ребята придут. Кстати, спасибо тебе за гитару. Давно хотел акустическую занять.

УЛЯ. Иди, иди. А я чайку выпью, да с вареньицем. Заодно и с подружкой поболтаю. (Набирает номер телефона. Из кармана достает пачку с сигаретами. Прикуривает от зажигалки. При этом, с опаской поглядывает на дверь). Танюш, привет! А ты еще дома? Как где? А в театр не собираешься? Что так? А на премьеру вашего премьера не пойдешь? Тань, люди-то при чем, что ты их видеть не хочешь? Ну не могут же все в знак протеста уволиться. Куда потом? А если уже и возраст поджидает? Пенсия-то у вас, актеров смешнее некуда. Тань, да я не издеваюсь. Я переживаю. За тебя, конечно. Как ты будешь жить на одну пенсию? Мне-то хоть дети иногда помогают. Да вот за статейки кое-какие гонорары получаю. Тань, ну прости. Не буду ворошить большую тему. Знаю, что мы приучены жить по средствам. Что есть тому и рады. Ну, давай про внука. Знаешь, а он вроде ничего. Хотя бы потому, что пытается думать, размышлять. Что-то свое ищет. А все эти взбрыкивания, так это переломные моменты, которые бросают в разные стороны. Так и я думаю, пусть бросают. Главное, суметь выплыть и дальше грести к цели. Только надо бы ее определить. Но чтоб была видна, как спасительный маячок среди этой бури, что бушует у таких, как мой Данька. (В комнате внука затихает музыка. Уля спешно гасит сигарету и выкидывает окурки в мусорку) Тань, я с тобой согласна, что этими маячками должны быть мы, которые с ними рядом по жизни идут и направляют. Только это надо делать осторожно. Не ослеплять, а лучше указывать такими лучиками правильную дорожку. (Звонит в прихожей звонок) Ой, Тань, совсем заболталась. Там Данькины друзья-музыканты пришли. Пойду открою. Сейчас репетировать начнут, а я в магазин сбегать. Все, моя хорошая. Пока.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

В прихожей появляется Уля, с тяжелой сумкой в руках.

УЛЯ. Дань, бабуле помоги. Еле доплелась. (Садится на диванчик.) Да уж, старость не в радость. (Тишина в ответ). Дань! Ты где? Ушел что ли? Значит, отрепетировали, пока я все магазины-то оббегала. О-хо-хо. (Несет сумку на кухню. Начинает разбирать.

Раздается телефонный звонок)

УЛЯ. Я вас слушаю. Так. Еще раз, пожалуйста. Из какого отделения? Ах, пятнадцатого. И что? Чем обязана? Какой Данила? Белоусов? Ах, Даня? Ну, конечно, это мой внук. Что случилось? Почему он в милиции? Он не ранен? Что, что он вам сделал? Да. Конечно. Он совершеннолетний. У него уже паспорт есть. Да. Сейчас же прибегу. И паспорт захвачу. Его? А где ж его взять? Дайте ему трубку. Почему? Он что арестован? Он все равно имеет право на звонок. Вы слышите. Я знаю закон. Алле, Данечка, что случилось? Когда потом? Маме не говорить? Хорошо. Ах да, где твой паспорт? Слава Богу. Сейчас достану. И свой, тоже? Все, все. Уже бегу. (Бросает трубку, мечется по комнатам. Ищет паспорта) О, Господи! Что же он натворил? Мне только милиции не хватало. (Убегает).

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЯТАЯ

В дверях появляется Даня, за ним Уля. Оба встревоженные, но молчат. Проходят на кухню.

УЛЯ. (Открывает коробочку с лекарствами). Дай воды. Да не из под крана. Все не привыкнешь. Вон из кувшина налей.

ДАНЯ. Бабуль, тебе плохо?

УЛЯ. Сейчас пройдет. (Судорожно запивает таблетку). Да, Даня, мне плохо.

ДАНЯ. Ну, ты не волнуйся так. Ничего страшного не случилось. Подумаешь, банку энергетического напитка выпил? Им-то, какое дело? Я же никого не трогал, даже не оскорблял. Я просто выпил из горла. Это что, преступление?

УЛЯ. Это еще одно подтверждение тому, что жить в обществе и быть от него независимым нельзя.

ДАНЯ. Да почему?

УЛЯ. Да потому. Существуют законы и их надобно соблюдать.

ДАНЯ. (Орет) Что я сделал противозаконного. Я имею право просто выпить напиток.

УЛЯ. Смотри какой.

ДАНЯ. Это почему? Только я знаю, какой мне надо.

УЛЯ. Нет. Видать не знаешь, что алкогольные напитки, да еще в людном месте распивать детям, не достигшим 18 лет за-пре-ще-но!

ДАНЯ. Хороши дети в 18 лет.

УЛЯ. Да ты на себя посмотри. Ты еще ребенок. К тому же, глупый, коль позволяешь себе совершать такие поступки.

ДАНЯ. И это поступок – просто выпить.

УЛЯ. Это вызов обществу. Мол, где хочу, там и пью. И плевать мне на ваши законы. Разве не так?

ДАНЯ. Так. И на твои нравоучения мне тоже наплевать. (Резко поворачивается и уходит в свою комнату. Берет гитару и начинает орать).

Глаза покраснели. Неделя снова сменила неделю.

И черной грязью становится снег.

Свиньи в бетонных кубах заржавели

И я заржавел, зажилел.

Мне так страшно здесь оставаться.

Сбежать от тюрьмы в голове,

Но попасть в социальное рабство.

В дверях комнаты появляется Уля.

УЛЯ. Даня рабом можно стать не только социальным. Рабом привычек дурных, лени.

ДАНЯ. Да ты что? Куда ж от вас деться? От ваших законов, морали, какой-то там нравственности.

УЛЯ. Рабом нравственности стать невозможно. Разве что нравственным уродом. Не думаю, что тебе нравятся такие люди.

ДАНЯ. Спасибо, что к ним не причислила. А вот мама меня часто доставала: «Не превратись в урода».

УЛЯ. Мама и мы все хотим тебе только добра. Потому и беспокоимся.

ДАНЯ. Не надо. Сам знаю, как и что делать.

УЛЯ. Э, тут ты врешь. Чего же так часто поешь, как это? Уже почти выучила наизусть. Вот: «Мысли переполняют больной мозг и мне становится жутко. Кто мне подскажет, когда начинается утро?»

ДАНЯ. (Смеется) Это ты все переврала.

УЛЯ. Да ладно. Дань, а мне очень хочется тебе подсказать. Только надо слушать не одного себя. Чаще прислушиваться к тем, кто добра тебе желает.

ДАНЯ. А к тем, кто не желает, тоже?

УЛЯ. Надеюсь, ты уже в состоянии отличить одно от другого?

ДАНЯ. Не совсем, дурак.

УЛЯ. Но голова, точно не в порядке.

ДАНЯ. Сам знаю.

УЛЯ. Чего только там нет? Иногда надобно проводить генеральную уборку. Желательно с помощниками. А давай-ка, кофейку поьем. Глядишь, и я смогу подсказать тебе «когда начинается утро». Твое утро, Дань.

ДАНЯ. (Уже по-привычке хлопает ладонью по ладони Ули) Ладно. Пойдем.

УЛЯ. А может, винца хочешь?

ДАНЯ. Спасибо, уже напился. Да, за штраф я сам рассчитаюсь. И за гитару тебе отдам. Не переживай.

УЛЯ. Уж, конечно, испереживалась. Я заплачу. А гитара, это мой подарок тебе. Люблю делать подарки, пока жива. У меня пенсия хорошая. Нечего с родителей тянуть.

ДАНЯ. Я сам заработаю. А гитара, что надо. Спасибо.

УЛЯ. Вот когда заработаешь, тогда и будешь сам за себя платить. И долги отдавать.

(Идут на кухню Уля готовит кофе, Даня раскрыл попавший под руку журнал. Уткнулся в него)

УЛЯ. Дань, это хорошо, что ты читаешь. Лучше бы книжки.

ДАНЯ. А я и книжки, между прочим.

УЛЯ. Что-то пока ты у меня живешь, не видела, чтоб хоть одну с полки снял.

ДАНЯ. Какая же ты отсталая. А интернет на что?

УЛЯ. Э, нет. Я пробовала. Ощущение не то. (Разливает кофе. Себе в маленькую чашку, Дане, в бокал. Садится за стол. Машинально достает из кармана пачку сигарет и зажигалку. Потом, поспешно сует все это обратно)

ДАНЯ. Да уж кури. Думаешь, я не знаю, что ты куришь втихаря?

УЛЯ. Дань, да я изредка. Когда пишу и вот под кофеек приятно.

ДАНЯ. А здоровье? Не дорожишь. Не хорошо. Других-то наставляешь, а сама.

УЛЯ. Дань, ты прав. Я то брошу, то снова за старое. А хочешь, вот сейчас выкурю последнюю и навсегда брошу.

ДАНЯ. А вот хочу. За сердце хватаешься, таблетки пьешь, а здоровьем-то не дорожишь.

УЛЯ. (Снова достает сигареты и зажигалку. Закуривает с наслаждением) Еще как, дорожу. Я ведь вам нужна. Так, на чем мы остановились? Ах да, что книгу читать куда приятнее.

ДАНЯ. Бред. Какая разница?

УЛЯ. Колоссальная. Ты почему в кинотеатр ходишь фильмы смотреть? Ведь, как ты говоришь, любой скачать можно. И дома, без проблем.

ДАНЯ. (Оторвался от чтения, но молчит)

УЛЯ. Ага. То-то же. Экран большой, звук настоящий.

ДАНЯ. Все равно не понимаю. При чем тут книга?

УЛЯ. Живая. Понимаешь, держишь в руках томик, он теплый, даже краской типографской пахнет. Переворачиваешь страничку и просто вживаешься, чувствуешь каждое слово.

ДАНЯ. Фантазерка. С экрана, что вжиться нельзя?

УЛЯ. Он мертвый. С него только информацию получать можно. Краткую, сухую.
ДАНЯ. Но полезную.
УЛЯ. Бывает, не спорю. А сколько бесполезной и даже вредной.
ДАНЯ. Ты об этом хотела со мной поговорить?
УЛЯ. Дань, пей кофе, наслаждайся ароматом и вкусом. Жизнь тоже имеет свои ароматы. Главное не ошибиться при выборе. (Помолчали). Твое утро, Даня наступит тогда, когда ты будешь хорошо делать свое дело.
ДАНЯ. Какое дело?
УЛЯ. Любое, Даня. Чтобы ты не выбрал. Только с полной отдачей и любовью. Тогда у тебя каждый день будет начинаться с доброго утра. А там и день заладится.
ДАНЯ. Как у тебя все просто.
УЛЯ. А в жизни нет ничего сложного. Просто мы сами усложняем ее. Своими выходками, неприспособленностью, поспешностью, немереными запросами. Когда все и сразу. Без труда. А лучше за счет кого-то.
ДАНЯ. Это ты намекаешь, что учусь плохо? У отца деньги клянчу?
УЛЯ. Видишь, сам понимаешь. Это твое первое испытание, и ты с ним не справляешься. Все эти пары, прогулы давят. Портят тебе настроение. А кабы, учился хорошо...
ДАНЯ. Все. Хватит. Я школу по любому закончу. В институте буду отличником. Клянусь!
(Поднимает вверх два пальца)
УЛЯ. Балабол, ты Даня. Но я тебе верю.
ДАНЯ. Верь. Я еще докажу, на что способен. Я музыку буду хорошую сочинять. Уже кое-что написал. Завтра в одном клубе играть будем.
УЛЯ. Дань, возьми меня с собой.
ДАНЯ. Ты че, бабуль? Не пустят. Ты ж там всех распугаешь.
УЛЯ. Неужели так страшно выгляжу?
ДАНЯ. Да по возрасту ты не вписываешься. Фейсконтроль не пройдешь.
УЛЯ. Ах это. Старухам вход закрыт! А еще свободная страна.
ДАНЯ. (Ехидно) Так ведь это такие правила. Неприлично с молодежью тусоваться. Ладно, все. Спасибо за кофе, за уборку в моей голове. Побежал я.
УЛЯ. Надолго.
ДАНЯ. Не знаю. Как получится.

Свет гаснет.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комната Ули. Она сидит за компьютером, пишет. Снова машинально лезет в карман за сигаретами. Достает. Пытается прикурить. Гасит зажигалку. Отодвигает пачку. Продолжает писать, поглядывая на пачку. Потом встает и, скомкав ее, относит в кухню. Там стоит, борясь с соблазном. Достает из пачки смятую сигаретку, затягивается пару раз и потом решительно бросает в мусорное ведро. Звонит телефон.
УЛЯ. (Вздрагивает) Да, да. Это я. Тань, все хорошо. Просто я тут с курением борюсь. Все, баста! Уж сколько раз собиралась это сделать. Жаль, конечно, лишаться такого удовольствия. Но здоровье дороже. Тебе бы тоже не мешало. Ага, как бык. Ты как корова безвольная. Бери с меня пример. Я внуку обещала. Представляешь, он не курит! Вот тебе и не может быть. Оказывается, может! Я его об этом спрашивала. Говорит, смысла нет. Коль открыто курить запрещают, а втихаря ему противно. Вот и мне стало противно втихаря-то. Стыдно же при нем. Старая, вонючая табаком бабка. Все, все. Я умру, а слово,

данное внуку, сдержу. Ты меня знаешь. Нет, пока умирать не собираюсь. Мне как-то стало жить интереснее. Да к тому же и курить бросила. А это продлит мои годы. Ну, спасибо, милая. Я уж постараюсь. Ладно, заканчиваем. Я тут еще одно мероприятие задумала. Называется, трягну стариной. Вспомню молодость. Ты же знаешь, что я театральная заканчивала и в ТЮЗе играла. Надо успеть подготовиться пока Даня не пришел. Потом, потом все тебе расскажу. Все, бегу. Обнимаю.

Свет гаснет и тут же загорается в прихожей, где раздался звонок.
У дверей стоит пацан, в очках, с надвинутой на глаза бейсболкой.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

УЛЯ. (Измененным мальчишеским голосом). Кто? (Тут же открывает дверь. Входит Даня. Бросает беглый взгляд на собеседника.)

ДАНЯ. Ты кто? Где бабуля? (Идет на кухню. Наливает из кувшина воды. Одновременно подвигает к себе все тот же журнал. Пьет и листает страницы.)

УЛЯ. Я, это - племянник. (Пауза) Из Донецка приехал.

ДАНЯ. (Оживает) Че от войны сбежал?

УЛЯ. Почему сбежал? Просто в гости приехал.

ДАНЯ. А тебя звали?

УЛЯ. А что так просто нельзя?

ДАНЯ. По нахалке все можно. Надолго?

УЛЯ. Там видно будет.

ДАНЯ. Ну, ты даешь! Уже видно, что жить тебе негде.

УЛЯ. Это почему? Бабушка Ульяна писала, что у нее две комнаты. Как-нибудь разместимся.

ДАНЯ. Не получится. Вторую уже я занял. А с тобой жить вместе не собираюсь.

УЛЯ. А что так? Чем не гожусь в родственники?

ДАНЯ. Рожей не вышел. Очки-тоними. Солнца даже на улице нет. Это что у вас в Донецке так ходят?

УЛЯ. Ходят. И что? Нас, между прочим, бомбят. Тебе не жалко?

ДАНЯ. Я в политику не лезу.

УЛЯ. При чем тут политика? У нас война, понимаешь? Самая настоящая война. Где гибнут ни в чем неповинные люди, Им тоже наплевать на эту политику.

ДАНЯ. А я при чем? (Швыряет журнал, идет к себе в комнату. Уля за ним, разговаривая на ходу)

УЛЯ. А тебе не хочется помочь? Хотя бы спасти одного? Тебе места мало? Смотри, какая просторная комната. А жить в погребе целой семьей и радоваться, что живы не пробовал?

ДАНЯ. (Берет гитару, надевает ее через плечо, наигрывает) Еще чего скажешь. Ты что ли в этом погребе жил?

УЛЯ. Не я один. Там все прячутся, где только можно. Каждый день бомбежки и обстрелы.

ДАНЯ. (Орет) Не понимаю! Не хочу об этом слышать! Это маразм какой-то. В двадцать первом веке убивать друг друга. (Бьет по струнам, поет):

Я снова попался на этот крючок

И с него не сорвался.

Я пытался отсюда бежать,

Но каждый раз опять возвращался.

От бессилия, страха, отчаянья, боли
Хочется криком взорваться!
Это видимо дань охреневшей орде,
Вместе с ней разлагаться...

Ладно, все, проехали. Оставайся. Раскладушка найдется. (Ставит гитару на подставку, наконец, приближается к «племяннику» и протягивает руку)

Давай знакомиться.

УЛЯ. (С хохотом срывает очки и бейсболку). Ну, давай, внучек.

ДАНЯ. (В полном оцепенении, не может выговорить ни слова)

УЛЯ. Ага, не узнал старуху. Говоришь не пройду в ваш клуб фейсконтроль?

ДАНЯ. Ну, ты даешь. Вот это ништяк. Как ты голос изменила? Точно, пацан.

УЛЯ. Забыл, что твоя бабуля когда-то актрисой была?

ДАНЯ. Конечно, не помню. Только ты это, зачем тут Донецк приплела?

УЛЯ. А я проверить тебя захотела. Можешь ли понять чужую боль и беду. Сердце уже не выдерживает видеть все эти ужасы, что там происходят.

ДАНЯ. Нет, это ж надо. Я не врубился даже.

УЛЯ. Знать мастерство-то не уходит. Мое амплуа было – травести. Это актриса, играющая мальчиков. Я когда-то в ТЮЗе Димкау-неведимку играла. Так бывало пацаны мне на сцене, цветы суют и тут же приглашают в футбольную команду. Они ни на минуту не сомневались, что перед ними такой же, как они пацан.

ДАНЯ. Вот и я тоже ни на минуту. Это ж надо. Ну, ты и молоток. (Хлопанье ладошек)

УЛЯ. Ты тоже. Выдержал испытание. Знать душа-то живая, откликается.

ДАНЯ. Ребятам расскажу, не поверят.

УЛЯ. Теперь возьмешь меня с собой в клуб? И пока никому ничего не рассказывай.

ДАНЯ. Еще как. Там-то, тем более никто не заметит, что ты...

УЛЯ. Дряхлая бабка.

ДАНЯ. Да, ладно. Ты у нас еще ого-го! (Смеются).

Свет гаснет.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

В прихожей появляются внук и бабуля.

Она в образе мальчика. Оба возбужденные,
но Уля выглядит уставшей. Сбрасывает бейсболку,
очки. Спешно идет на кухню.

ДАНЯ. Бабуль, ну ты и актриса. А танцевала как. И никто тебя не раскрыл.

УЛЯ. Да чего там. Я все в сторонке стояла. Только пританцовывала. Там тьма-то какая.
«Лицом к лицу лица не увидать».

ДАНЯ. Зато, «большое, видится на расстоянии».

УЛЯ. А ты оказывается начитанный.

ДАНЯ. А то. А говоришь, что только по книжкам. Я в инете знаешь, сколько всего нарыл.

УЛЯ. Рой и дальше. А я пойду, пожалуй, прилягу.

ДАНЯ. Буль, ой нет, бабуль, тебе плохо?

УЛЯ. (Потухшим голосом). Просто устала. Такое мероприятие не каждый выдержит, а тем более древние старушенции. Такой грохот, крики. И что вы все кричите? (Уходит в свою

комнату. Достает бутылочку с лекарствами, какает в стакан, пьет и ложится на кровать. Раздается стук в дверь):

ДАНЯ. Бабуль, к тебе, можно?

УЛЯ. Входи, входи. Я чуток отдохну и – снова в бой.

ДАНЯ. С кем воевать?

УЛЯ. Сама с собой. Не люблю в постели валяться.

ДАНЯ. Да уж лежи. Вон вся комната валерьянкой провоняла.

УЛЯ. Пропахла, Даня.

ДАНЯ. Какая разница. Опять сердце прихватило?

УЛЯ. Не в первой. Сейчас пройдет.

ДАНЯ. (Подходит к столику с портретом деда) Бабуль, а почему дед так поступил. Сам ушел из жизни?

УЛЯ. Трудно понять. Еще труднее объяснить.

ДАНЯ. И все же? Он же еще, какой крепкий был.

УЛЯ. Был Данечка, очень крепким. Вон на верхнем портрете, прямо качок с такими -то мышцами. Это как раз, когда мы с ним только познакомились. Ему 40, а мне 30. Я еще в поиске, а он уже вдовец. Он меня все по знакомым художникам водил знакомиться. Один из них и написал этот портрет.

ДАНЯ. Выходит, что вы нашли друг друга.

УЛЯ. Да, Данечка, нашли и спустя пару лет потеряли.

ДАНЯ. Это как?

УЛЯ. А так. Бросил он меня с маленькой Алинкой на руках, мамой твоей. Уехал из нашего города в столицу за молодой балериной.

ДАНЯ. Моложе тебя?

УЛЯ. Еще как. Аж лет на пятнадцать.

ДАНЯ. Вот это да!

УЛЯ. Ну, правда, хорош он был. Вот девки молодые на него и западали.

ДАНЯ. И много их было?

УЛЯ. Много. Я про всех была в курсе. Он меня своей жилеткой определил. При каждом расставании с новой пассией звонил, плакался. А уж когда сюда переехала, тем более, ежедневно названивал.

ДАНЯ. Надо же. А эта, последняя, тоже не подошла?

УЛЯ. Еще как подошла. Она из него веревки вила. И в узлы туго завязывала. Видать не выдержал.

ДАНЯ. А ты не могла помочь, коль он обо всем делился с тобой.

УЛЯ. Чем, Данечка? Советов он не слушал.

ДАНЯ. Взяла бы его к себе. Ведь точно до сих пор любишь.

УЛЯ. Уж и не знаю, люблю ли. Родство душ связывало. Еще я его жалела.

ДАНЯ. Жалость унижает человека.

УЛЯ. Не скажи. Женщины на Руси говорили, что если жалеешь, значит любишь.

ДАНЯ. Вот и проговорилась.

УЛЯ. Потом, он не состоялся как писатель, драматург. Когда еще в том городе нашей юности жили, у него все шло как надо. Печатался, ставился. А вот как уехал, так и себя потерял.

ДАНЯ. Жалко деда. Мы с ним на даче одно время жили. Я засыпал под стук его машинки. Мне нравилось.

УЛЯ. Вот и храни в памяти этот стук. И машинку вот эту храни. Это «Ундервуд», легендарная, еще довоенная. Он ее очень берег. Говорил, что она живая, и они срослись воедино. Это все, что я для вас, с трудом выпросила у этой безутешной вдовы, которая уже озабочена новым романом. Все Даня. Больше не будем беречь больные раны. Мир его праху.

ДАНЯ. (Присаживается поближе, на край кровати.) Все, бабуль. Прости, что я тему эту затронул. Ты отдыхай.

УЛЯ. (Берет его руку, гладит. Видит тату в виде красного цветка и какой-то надписи пониже). Дань, все хочу спросить, что означает сей рисунок?

ДАНЯ. Это такой символ группы, помнишь, я уже говорил. Вот, читай.

УЛЯ. (Читает по-английски, тут же переводит. «Мой сын, мой дом, мое дерево»). Слушай, а у Цоя есть подобная композиция. Это же своеобразная программа для мужчины: построить дом, вырастить сына и посадить свое дерево. А давай послушаем. (Хочет встать).

ДАНЯ. Нет уж, лежи. Я сам найду и поставлю. (Идет к полке).

УЛЯ. Дань, Цой у меня с того края первым.

ДАНЯ. Уже нашел. (Ставит и снова садится к Уле поближе).

Звучит композиция Цоя.

Я знаю, мое дерево проживет недолго

Я знаю, дерево в этом городе обречено,

Но я все свое время провожу с ним.

Мне все другие дела надоели,

Мне кажется, что это мой дом.

Мне кажется, что это мой друг.

Я знаю, мое дерево может завтра сломать школьник.

Я знаю, мое дерево скоро оставит меня,

Но пока оно есть – я всегда рядом с ним.

Мне с ним радостно, мне с ним больно.

Мне кажется, что это мой мир.

Мне кажется, что это мой сын.

Я посадил дерево.

Я посадил дерево.

УЛЯ. Дань, а ты молодец, что выбрал это тату. Видать неспроста. Это и твой мир, и твой девиз по жизни.

ДАНЯ. Да ладно. Мне просто эта группа нравится.

УЛЯ. Не ври мне, Даня. Только из-за группы ты бы не стал все это терпеть. Ведь больно же?

ДАНЯ. Мужчина должен терпеть боль, бабуля.

УЛЯ. Если есть ради чего.

ДАНЯ. Тебе наш концерт-то понравился?

УЛЯ. Честно? Музыка громкая, а слов вообще не разобрала. Но ты мне потом напоешь.

ДАНЯ. Ладно, понимаю, что это не твое. Давай ты поспи. Я даже играть не буду. Пойду чего-нибудь почитаю.

УЛЯ. (Улыбается). Иди, иди. Я долго лежать не буду. Пирожков тебе на ужин напеку, твоих любимых.

Даня выходит и тихо прикрывает за собой дверь.

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Даня на кухне. Сидит уткнувшись в книгу.
Раздается телефонный звонок. Он спешно
Хватает трубку.

ДАНЯ. (Не громко). Да. Мам ты? Да бабуля заснула. А че звонить? У меня все в порядке. Хожу. Да не ори ты. Сказал, хожу. Каждый день. Не вру. Спроси у бабули. Конечно, позже. Я ее будить не буду. Рано? Да она малость устала. Не загонял я ее. Мы на концерт ходили. Она сама захотела. Какой, какой? Джазовый! Да, мама, мы оба сошли с ума. И это здорово! Нет, домой не собираюсь. Никогда. Ну, во-первых, мне здесь хорошо. Ага, раздолье и свобода. Снова ругаешься. Сейчас трубку брошу. То-то же. А во-вторых, я бабулю не оставлю одну. Ей одной нельзя. Что, что. Ты даже не знаешь, что у нее сердце больное? Ах знаешь. А тебя это колышет? А мне кажется, нет. Я решил окончательно. Ты мне лучше вещи привези. Все, все заканчивай. Пока бабуля спит, я пирожков напеку.

Да сам! Прощай. Сама звони. (Выключает трубку. Достает из холодильника кастрюльку с толченной картошкой, тесто. Начинает кулинарничать. В дверях появляются Уля.)

УЛЯ. Дань, что я вижу. Никак пирожков захотелось, аж невмочь.

ДАНЯ. (слегка смутившись). Да я это, хотел для тебя испечь.

УЛЯ. О, это похвально. А хоть знаешь как?

ДАНЯ. Да, ладно. Видел. Че особенного. У тебя же все готово.

УЛЯ. Ну, давай, я тебе помогу.

ДАНЯ. Лучше я тебе, коль встала. Чего не спится?

УЛЯ. А ночью что делать буду.

ДАНЯ. Песни петь.

УЛЯ. А что. Я еще та певица. Такие концерты выдавала.

ДАНЯ. Она еще и пела. Ну, ты даешь.

УЛЯ. Может, меня в свою группу возьмешь?

ДАНЯ. (Смеется, бьет ладонью по бабушкиной ладошке) Свой пацан. Беру.

УЛЯ. Не смейся. У меня слух отменный. Ритм хорошо чувствую.

ДАНЯ. Да уж видел, как ты на концерте зажигала.

УЛЯ. Нет, я серьезно. Представляешь, пожалуй, ни у кого в мире не было рок-группы, где бы солировали бабушка и внук.

ДАНЯ. А что? Прикольнo. Надо подумать.

УЛЯ. Вот, вот, подумай. Это полезно. (За разговорами уже готовы пирожки. Уля вытирает руки, снимает фартук) А пока, давай-ка, устроим просмотр. Или, как это, по-нынешнему – кастинг.

ДАНЯ. Какой еще кастинг?

УЛЯ. Бери табуретку, лезь на антресоли.

ДАНЯ. Это еще зачем? (Встает на табурет) Что дальше?

УЛЯ. Там с краю в чехле лежит моя гитара.

ДАНЯ. Держите меня. Сейчас рухну. У тебя, что и гитара есть?

УЛЯ. А как же. Ты думаешь ты-то в кого?

ДАНЯ. (Достает гитару, спускается. Передает бабушке) Держи, рок-н-рольщица Что и играть умеешь?

УЛЯ. А как же. В 60-е годы только ленивый и глухой не пел под гитару. Мы же купались в талантливых стихах Окуджавы, Рождественского, Вознесенского, Евтушенко, Ахматовой. Специально всех перечисляю. Ты что-нибудь знаешь о них?

ДАНЯ. Окуджаву знаю. Как-то в школе на праздник Победы заставили его песенку про солдата петь.

УЛЯ. Почему заставили? Самому-то что не нравилось.

ДАНЯ. Да нет, вроде текст клевый.

УЛЯ. А музыка? Булат Шалвович часто сам ее писал к своим стихам. А пел как душевно. (За разговором, расчехлила гитару, накинула ремень через плечо. Проводит по струнам, настраивает звук и начинает петь).

Один солдат на свете жил
Красивый и отважный,
Но он игрушкой детской был
Ведь был солдат бумажный.

УЛЯ. Эта, что ли?

ДАНЯ. Она самая.

Уля продолжает:

Он переделать мир хотел,
Чтоб был счастливым каждый,
А сам на ниточке висел
Ведь был солдат бумажный.

(Даня бежит за своей гитарой и тоже начинает играть и петь)

Он был бы рад в огонь и дым,
За вас погибнуть дважды,
Но потешались вы над ним,
Ведь был солдат бумажный.

Не доверяли вы ему
Своих секретов важных,
А почему, а потому,
Что был солдат бумажный.

А он, судьбу свою кляня,
Не тихой жизни жаждал
И все просил: «огня, огня»!
Забыв, что он бумажный.

В огонь, ну что ж, иди – идешь?
И он шагнул отважно
И там сгорел он ни за грош,
Ведь был солдат бумажный.

ДАНЯ. Здорово! (Снова бьют ладошками). Бабуль, ты точно свой парень.

УЛЯ. И ты, Дань, свой. Нашенский. Не зря говорят, что гены через поколение передаются. Знать проросли.

ДАНЯ. И твой Окуджава нашенский.

УЛЯ. Ага, понял. Мы, шестидесятники его просто боготворили. Он же фронтовик. На себе прочувствовал все ужасы войны. Знал ей цену. Как можно написать такие пронзительные строки: «Ах война, что ты подлая сделала. Стали тихими наши двory».

ДАНЯ. Спой еще.

УЛЯ. Данечка, давай завтра. Я правда устала.

ДАНЯ. Бабуль, что снова плохо?

УЛЯ. Дань, не обращай внимания. В мои года уже не может быть постоянно хорошо.

ДАНЯ. Бабуль, а чай пить будем.

УЛЯ. Непременно. Пирожки еще не остыли.

ДАНЯ. Ты сиди. Я сам чайник поставлю.

УЛЯ. А Окуджаву мы еще послушаем. У него много достойных, философских песен.

Вот, вспомнила. Однажды в театре создалась такая невыносимая атмосфера, когда все переругались и бегали к главному отстаивать свою правоту. Каждого он молча выслушал, потом всех собрал в репетиционном зале и включил магнитофон с записью Окуджавы.

И раздались гениальные слова, прозвучавшие ответом каждому:

Давайте говорить друг другу комплименты.

Ведь это все любви счастливые моменты.

Давайте жить во всем. Друг другу потакая –

Тем более, что жизнь короткая такая.

ДАНЯ. Да, это ж надо. И что, поняли?

УЛЯ. Еще как. Стыдно стало друг перед другом. Посидели молча и разошлись.

ДАНЯ. А я и не знал, что он фронтовик. Вот почему меня петь заставили на празднике Победы.

УЛЯ. Сам-то не понял.

ДАНЯ. Да мы же перед участниками войны пели. Они все старики. Что и Окуджава? И с вами молодыми тусовался?

УЛЯ. Он был нашим генералом, и мы жили под его девизом: «Совесь, благородство и достоинство. Вот оно святое наше воинство» Ему тогда чуть больше сорока было.

ДАНЯ. Как хорошо быть генералом. Где-то слышал. Не его?

УЛЯ. Нет, это Хиль. Дань, а еще, я тут в инете сидела и открыла сайт «Память народа».

Мне о нем Татьяна поведала. Представляешь, там можно найти и проследить весь фронтовой путь бойца.

ДАНЯ. Так уж и весь. Это ж сколько документов надо просмотреть и забить в инет.

УЛЯ. Знать нашлись порядочные люди, равнодушные к тем, кто прошел страшными дорогами войны. До самого Берлина. Там даже о том, как сражался, за что был награжден.

Кто и где погиб, пропал без вести.

ДАНЯ. И что прям, списки напечатали?

УЛЯ. Проще. Набрала на сайте в поисковике данные твоего прадеда, а моего отца Мирошникова Юрия Даниловича.

ДАНЯ. И что нашла?

УЛЯ. Еще как, Данюша. Отец-то героем был.

ДАНЯ. Настоящим?

УЛЯ. Они там все были настоящие. Представляешь. Там все подробно. Что был комвзвода стрелковой роты и что переправу через Двину охранял. Топил вражеские лодки. Аэропорт его рота отстояла. В разведку ходил, чтоб узнать дислокацию противника. Это помогло накрыть их огнем и вырваться из окружения..

ДАНЯ. Все это написано?

УЛЯ. Не веришь? Неси компьютер. Больше скажу, он и в рукопашную ходил со штыком в руках.

Даня приносит комп. Открывает. Оба склоняются над ним.

УЛЯ. Вот читай.

ДАНЯ. «Убил шесть немцев и одного офицера. Сам получил тяжелое штыковое ранение под левую лопатку». Вот это да.

УЛЯ. Ты дальше читай.

ДАНЯ. « В августе 43-го служил в 11 офицерском штрафном батальоне».

УЛЯ. Вот об этом, еще девчонкой я успела его спросить. Как он попал в штрафбат?

ДАНЯ. А ты откуда знала?

УЛЯ. Да как-то матушка ругалась и крикнула , что вот не зря тебя в штрафбат отправили. Ты всегда в драку лез. Отец, аж побелел весь.

ДАНЯ И что дальше было?

УЛЯ. Да ничего. Матушка часто ругалась, когда он выпивши приходил. Так вот наказали его за то, что заступился за солдата, когда над тем лейтенант измывался. Отец кинулся на него со словами, что ты хуже фашиста и дал ему в морду.

ДАНЯ. Вот молодец! Я бы тоже врезал.

УЛЯ. Всего два месяца провоевал. Их батальон, кстати, которым командовал Рокоссовский, бросили в атаку с пулеметами на танки. Вот читай.

ДАНЯ. «Боец Мирошников лично подбил два танка. В этом бою он получил осколочные ранения в ногу и в шейный позвонок.»

УЛЯ. Этот осколок до смерти сидел у него за ухом. Оперировать тогда никто не брался.

ДАНЯ. Точно, прадед герой.

УЛЯ. Я все думала, почему у него не было ни одной награды. Быть такого не может. А тут вот нашла наградной лист. Смотри сколько их у деда и ордена, и медали.

ДАНЯ. А где же они?

УЛЯ.(Плачет) Мы же Даня все нелюбопытны. Я при жизни-то его ни о чем не спрашивала, а он и не хотел ни о чем говорить. Я так думаю, что это приказ такой сталинский был, коль проштрафился, значит надо лишать тебя всех заслуг.

ДАНЯ. Гад, этот ваш Сталин.

УЛЯ. Еще какой. (Вытирает слезы) Ой, Данечка, все не так просто. Только знаю одно, что мы всегда во все времена должны быть любознательны и внимательны к нашим старикам. Пока они живы, успеть бы сделать все возможное. Расспросить о жизни, о предках, обогреть, помочь. И главное – хранить о них память.

ДАНЯ. А меня что, в честь прадеда назвали?

УЛЯ. Выходит так. Неси дальше это имя, подкрепляй его добрыми делами и не забывай своих предков.

ДАНЯ. Ну, вот же, память о дедушке уже храним.(Показывает на фото, что на столике).

УЛЯ. И прадедов забывать не надо. Не слыхал, что возникло такое движение, когда в день Победы по площади идет колонна «Бессмертного полка», с портретами этих бессмертных. Я нынче обязательно примкну к ним. Пойдешь со мной?(Вдруг хватается за сердце, обмякает. Даня бросается к ней, подхватывает на руки, несет на диван)

ДАНЯ. Бабуля, бабуль, что, что плохо? Где твои лекарства. Говори. Ну, что ты молчишь? (Хватает трубку. Звонит в скорую) Скорее, пожалуйста, скорее. (С улицы слышен вой сирены скорой помощи.) Бабуль, выпей водички. Уже едут. Ты слышишь меня. Слышишь

УЛЯ. (С трудом открывает глаза и молча поднимает руку с двумя растопыренными пальцами.)

Свет гаснет

.На авансцену выходит Даня с несколькими фотографиями в рамке. Он будто только что отделился от общей колонны и, повернувшись к залу:

ДАНЯ. Бабуль, я сегодня вместе с дедами и прадедами прошел по Невскому с «Бессмертным полком». Бабуль, они все бессмертны, пока мы живы. А мы будем живы всегда. Поколение за поколением. Мы никогда вас не забудем. И тебя бабуль я тоже буду

помнить. И твои рассказы, твое доброе отношение и твои пирожки. А еще я буду на каждом своем концерте петь песни твоего любимого Окуджавы. Ты только выздоравливай поскорей.

Звучит песня Булата Окуджавы:

Давайте восклицать, друг другом восхищаться
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты,
Ведь это все любви счастливые моменты.
Давайте горевать и плакать откровенно
То вместе, то поврозь, а то попеременно.
Не надо придавать значения злословью,
Поскольку грусть всегда соседствует с любовью.
Давайте понимать друг друга с полуслова
Чтоб ошибившись раз, не ошибаться снова,
Давайте жить во всем, друг другу потакая,
Тем более, что жизнь короткая такая.

ЗАНАВЕС.

В пьесе использованы песни
Групп: «неботошнит»,
«Мой сын, мой дом, мое дерево»,
Виктора Цоя,
Булата Окуджавы.

Санкт-Петербург, 2015
martova@yandex.ru

